

На следующий день небо прояснилось, явив миру безупречную лазурь.

Сэймэй сидел в одиночестве посреди тихого сада, однако на душе у него было беспокойно.

"Хиромаса, как ты там? Всё ли с тобой в порядке? Действительно ли этот брак с принцессой Мёки принесёт тебе спасение?"

Его мысли витали далеко, в зыбком мареве тревоги.

— Господин Сэймэй, — раздался из сада мягкий голос Кадайко. — Свадебные уборы для завтрашнего торжества доставлены. Прошу вас, примерьте их. Если наряд окажется велик или узок, я тотчас отдам его в перешивку.

— Входи, — отозвался Сэймэй.

Служанка послушно переступила порог, бережно неся в руках свёрток белоснежного шёлка, и опустила его на низкий столик.

— Позвольте мне помочь вам примерить наряд, господин.

— Не стоит, — ровно ответил оммёдзи. — Думаю, уборы придутся мне впору. Завтра я явлюсь в них в Храм Бога Кошек, так что передай своей повелительнице, дабы она не беспокоилась на этот счёт.

Кадайко растерянно замерла:

— Но... как же так? Что же мне ответить госпоже?

— Хм, — Сэймэй холодно усмехнулся. — Так и передай принцессе Мёки: Абэ-но Сэймэй не желает, чтобы его облачали слуги. Скажи, что я приму одеяния только из её собственных рук.

— Господин Сэймэй, как вы можете говорить столь дерзкие вещи? — ахнула служанка.

— Я всегда отличался дурными манерами. Какая жалость, что вашей повелительнице пришлось связать себя узами брака со столь несносным человеком.

Оммёдзи тихо рассмеялся. Не оборачиваясь к служанке, он лениво опустился на циновки у стола.

— Господин, вы... — Кадайко запнулась, не зная, что сказать.

Сэймэй не шевельнулся, но он уловил едва слышный шорох шагов. Служанка поспешно выскользнула из покоев, а вошедшая гостья бесшумно опустилась рядом с ним.

— Если ты будешь лежать пластом на полу, как же я смогу помочь тебе одеться? — раздался чарующий, насмешливый голос.

— Мёки? — Сэймэй стремительно сел и обернулся.

Принцесса смотрела на него с мягкой, едва уловимой улыбкой.

— Срежь бела дня валяться в такой праздности... Неужто опять забиваешь голову глупостями?

— Откуда у простого пленника, предназначенного в великую жертву вашей Обители кошачьих духов, взяться глупостям? — парировал он. — Я лишь изнываю от безделья и пытаюсь сберечь остатки сил. Позвольте узнать, чем обязан визиту столь высокой гостьи?

— Услышав твой призыв, я поспешила явиться, дабы лично обрядить своего жениха. Что ж, господин Сэймэй, сбросьте каригину. Пора примерить праздничный наряд.

Она поднялась на ноги и протянула изящные руки к его поясу, собираясь распустить шнуры-укэо. Сэймэй, почувствовав, как краска заливает лицо, испуганно отпрянул и поспешно прижал ладони к груди.

Принцесса залиvisto расхохоталась и, крутнувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Вы сами отказались от моих услуг, господин Сэймэй. Не вздумайте жаловаться, будто в обители кошачьих духов вам оказали холодный приём!

"Ну и штучка... — Сэймэй покачал головой, когда шаги её стихли. — Снова выставила меня дураком."

Порыв прохладного ветра ворвался в открытое окно. Оммёдзи вздохнул и вновь опустился на циновку.

В своих личных покоях Мёки сидела в одиночестве. Глядя на свадебное убранство, которое слуги уже подготовили к завтрашнему дню, она выглядела непривычно озабоченной.

— Госпожа, вы довольны тем, как мы украсили покои? — спросила Кадайко.

— Всё прекрасно, — безучастно отозвалась принцесса.

— Но на вас лица нет... — тихо заметила служанка. — Завтра вы станете невестой, почему же в ваших глазах нет и следа радости?

Мёки перевела на неё задумчивый взгляд:

— Кадайко, ты ведь прежде заботилась о моей матушке?

— Да, госпожа. Я долгие годы служила Синбо Пяньсянь-химэ.

— Вот как... Понимаю. Завтрашнее торжество обещает быть долгим и утомительным. Пожалуй, мне нужно хорошо отдохнуть. Если не случится ничего важного, не тревожьте меня больше.

— Как прикажете, госпожа. Но... вы так и не примерили свой праздничный наряд.

— Не стоит утруждаться. Уверена, он придётся мне впору. Ступайте. Я хочу побыть одна.

Кадайко поклонилась и увлекла за собой остальных служанок. Когда двери за ними закрылись, Мёки тихо вздохнула, опустила на ложе и закрыла глаза.

Время в томительном ожидании тянулось бесконечно долго. Сэймэй ворочался на мягком ложе, но сон не шёл к нему. Когда он наконец забылся тревожной полудремой, его разбудил тихий, осторожный голос.

— Господин Сэймэй, вы уже проснулись?

За дверью стояла Кадайко.

Сэймэй сел на постели, взглянул на бледнеющее за окном небо и вздохнул.

— Входи.

В покои скользнули служанки Кадайко и Юико.

— Уже пора? Мы отправляемся в храм? — спросил он.

— Что вы, господин! До начала обряда ещё много времени, — с улыбкой ответила Юико. — Однако нам нужно начать подготовку. Облачение в праздничные уборы — дело небыстрое и весьма хлопотное.

Сэймэй посмотрел на грудку парчи и шёлка и невольно усмехнулся:

— Вашей госпоже тоже пришлось подняться ни свет ни заря, чтобы натянуть на себя всю эту роскошь?

— О да! — Юико прыснула, прикрыв рот рукавом. — Она ворчала точь-в-точь как вы.

— Юико, не болтай лишнего, — строго оборвала её Кадайко. — Помогай господину Сэймэю. К принцессе приставили четверых служанок, мы не должны отставать.

— Не беспокойтесь, — Юико ловко развернула тяжёлые шёлковые складки. — Мужской наряд куда проще. В нём по меньшей мере на пять слоёв меньше, чем в женском.

Облачение затянулось почти на час. Сэймэй чувствовал себя так, словно его замуровали в латы. Под тяжестью парадного наряда было трудно дышать, а движения сделались скованными.

Вскоре в дверях появился посланник. Он почтительно склонил голову:

— Господин Сэймэй, если вы готовы, прошу вас проследовать в храм. Время пришло.

Оммёдзи лишь молча кивнул в ответ.

— Мы сейчас прибудем, — отозвалась Кадайко.

Когда они вышли во двор, Сэймэя уже ждали четверо молодых слуг в нарядных одеждах. Поклонившись новому господину, они распределили обязанности: один пошёл впереди, освещая дорогу узорчатым бумажным фонарём, двое почтительно поддерживали Сэймэя под локти, а последний бережно приподнял длинный, тянущийся по земле шлейф его праздничного одеяния.

Оммёдзи лишь обречённо покачал головой и двинулся следом за ними.

Внутри Храма Бога Кошек, несмотря на дневное время, царил густой, почти осязаемый полумрак. Сэймэй невольно поморщился от этого давящего холода.

Спустя некоторое время двери святилища распахнулись, и в залу медленно вошла Мёки в окружении десяти служанок.

Впереди шествовали две девы, усыпая каменные плиты лепестками цветов, следом за ними шли ещё две с зажжёнными фонарями. Мёки бережно вели под руки, пока другие прислужницы несли шлейф её белоснежного убора. Замыкали шествие две служанки, придерживавшие края тончайшей вуали, скрывавшей лицо невесты от нескромных взглядов.

Белое шёлковое облачение делало принцессу похожей на парящего призрака. Слуги подвели её к Сэймэю, и они замерли плечом к плечу перед ликом грозного божества.

По знаку жреца они опустились на колени перед алтарём, готовые принять благословение. Сэймэй поднял взгляд на возвышавшуюся перед ними фигуру.

Огромный идол с телом человека и кошачьей головой бесстрастно взирал на смертных. В правой руке он держал Скипетр Бога Кошек, а левая рука оканчивалась выпущенными, остро заточенными когтями.

Долгая, монотонная заздравная молитва наконец подошла к концу, и Сэймэй мысленно перевёл дух. Однако радоваться было рано: пришёл черёд старейшин и глав кланов приносить свои поздравления.

Один за другим предводители Обители кошачьих духов подходили к алтарю, выстраиваясь в строгом порядке согласно своему рангу, и произносили торжественные речи.

Сэймэй искоса взглянул на сидевшую рядом невесту. Под густой вуалью её черты казались ещё более загадочными и недостижимыми.

— Повторяй за мной, — едва слышно прошептала Мёки. — Как будущий покровитель, ты обязан отвечать на поклоны глав семейств.

Послушно следуя её движениям, Сэймэй складывал пальцы в особые, священные для Обители кошачьих духов знаки-мудры, возвращая поклоны старейшинам.

Когда последние слова поздравлений от престарелых советников замерли под сводами храма, утомительный обряд наконец завершился.

Сумерки уже сгустились над обителью, когда новобрачных проводили в личные покои и усадили на брачное ложе.

Кадайко выступила вперёд, держа в руках покрытый золотым лаком поднос, на котором стояли две чаши с вином, перевязанные красной нитью.

— Судьбы, предначертанные небом, связует невидимая нить. Прошу вас, вкусите вина единения, — пропела она.

Сэймэй и Мёки одновременно подняли чаши и поднесли к губам.

— Не осушайте их до дна, — поспешно предупредила служанка. — Оставьте половину.

Обменявшись быстрыми взглядами, они сделали по глотку и вернули чаши на поднос. Кадайко с улыбкой поменяла их местами.

— А теперь испейте вино из чаши своего супруга.

— Зачем это? — недоуменно спросила принцесса.

— Вкусив чужую чашу, вы свяжете свои жизни воедино. Ваши души сольются, и клятва верности станет нерушимой. Таков истинный обряд. Прошу вас, не медлите.

Сэймэй молча взял чашу, из которой пила Мёки, и осушил её до дна.

Принцесса на секунду замешкалась, но затем последовала его примеру, допив остаток его вина.

Юико подошла сзади и завязала узелком полы их праздничных одеяний. Кадайко передала поднос другой служанке и тоже зашла им за спины.

Приподняв высокую шапку-эбоси на голове Сэймэя, она аккуратно отделила тонкую прядь его волос и срезала её серебряными ножницами. Затем другая служанка осторожно откинула край вуали принцессы, и Кадайко проделала то же самое с её тёмными локонами.

— Что ты делаешь, Кадайко? — нахмурилась Мёки.

— Это древний обычай нашей Обители кошачьих духов, госпожа. Мы свяжем ваши пряди в единый узел и отнесём в храм. Бог Кошек благословит ваш союз, и вы станете супругами, повенчанными самой судьбой.

— До чего же всё это сложно... — вздохнула принцесса.

Кадайко лишь почтительно улыбнулась, заворачивая переплетённые волосы в алый шёлк и

убирая их в лаковую шкатулку.

— Ночь уже вступила в свои права, господа. Желаем вам приятного отдыха. Мы удаляемся.

Сэймэй хранил молчание. Юико, проходя мимо, тихонько потянула его за широкий рукав и прошептала:

— Господин, если вы не отпустите нас, мы не посмеем уйти.

— Ах да... — спохватился оммёдзи. — Вы свободны. Можете идти.

Служанки гурьбой покинули покои. Когда за ними захлопнулась тяжёлая дверь, Мёки вдруг негромко рассмеялась.

— Что же вы молчите, господин Сэймэй? Неужто чувствуете себя обманутым? Думаете: «Вот ведь глупец, позволил втянуть себя в нелепую свадьбу с непонятной девицей, стал заложником Обители кошачьих духов, а печать безмолвия на моих силах так и не снята»?

— Я ведь уже говорил вам, принцесса, — Сэймэй мягко улыбнулся. — Я полностью доверяю вашему решению.

Мёки резко поднялась, позабыв, что их одежды связаны, и едва не увлекла его за собой.

— Ах... Совсем вылетело из головы. Юико намертво завязала эти узлы. Сейчас я принесу ножницы.

— Не нужно, — Сэймэй коснулся шёлковых пут.

Он беззвучно произнес короткое заклинание, и узел сам собой распутался, высвобождая ткань.

Принцесса удивлённо посмотрела на него, а затем с тихим вздохом опустилась на циновку и принялась растирать затекшие голени.

— Невыносимо... Ваши здешние обычаи — сущее наказание. Весь день сидеть на коленях, не смея шевельнуться. Мои ноги превратились в камень.

Сэймэй понимающе улыбнулся, но остался сидеть в безупречной парадной позе.

— А это платье? — продолжала жаловаться Мёки. — Оно весит не меньше тридцати фунтов! Целых двенадцать слоёв плотного шёлка. Я всегда считала ваше придворное двенадцатислойное убранство верхом безумия, но свадебный наряд превзошёл все мои

кошмары.

Оммёдзи молча созерцал её растрёпанный вид, не прерывая её излияний.

Принцесса наконец успокоилась и посмотрела на него:

— Да, я утаила от тебя часть правды. Храмовый обряд — это лишь первый шаг. Чтобы сокрушить печать на твоих силах, нам потребуется нечто иное.

— Вот как? — Сэймэй слегка усмехнулся. — И что же?

Мёки вдруг подалась вперёд, в её глазах вспыхнул озорной огонёк:

— Послушайте, господин Сэймэй. Вы так и будете сидеть сложа руки? Может, соблаговолите наконец снять с меня эту душную вуаль? Или мне так и спать в ней?

Молодой оммёдзи медленно поднялся, приблизился к ней и осторожным, почти невесомым движением снял плотную ткань, открывая её лицо. Закончив, он послушно отступил назад и присел в стороне.

— Ну что за скромность? — рассмеялась принцесса. — К чему эта напускная покорность? Разве я похожа на свирепого демона? Да и к тому же, пристало ли первому защитнику Хэйан-кё робеть перед женщиной?

— Нечисть меня не пугает, принцесса, — отозвался Сэймэй, тепло улыбнувшись. — Но вы... вы внушаете мне куда больший трепет, нежели любой призрак.

Мёки притворно нахмурилась, но тут же весело покачала головой.

— Неужели я столь ужасна?

— Вовсе нет. Просто ваша пронизательность и великое искусство не оставляют мне шансов в споре. Вы без труда читаете в моей душе, словно открытую книгу, тогда как ваши собственные помыслы остаются для меня вечной загадкой.

— А, так вот что тебя гложет, — принцесса понимающе кивнула. — Но вспомни... Кого ты там называл «другими»? Минамото-но Хиромасу? Его сердце открыто для тебя лишь потому, что твои мысли безраздельно принадлежат ему. Мою же душу ты не можешь постичь по одной простой причине — в твоём сердце нет места для меня. Как говорят мудрецы: форма есть пустота, пустота есть форма. Коль нет влечения, то и созерцать нечего.

— Истинно так, — смиренно признал оммёдзи.

— Ну полно. Посмотри, как ты напряжён. Боишься, что я потребую от тебя исполнить супружеский долг? — Мёки лукаво прищурилась. — Успокойся, я никогда не беру силой то, что мне не принадлежит.

Сэймэй почувствовал, как к щекам вновь приливает жар. Чтобы скрыть смущение, он отвёл глаза:

— Я... я просто волнуюсь за Хиромасу.

— Ночь уже на исходе, однако кошачье племя сейчас на пике своего бодрствования. Нам остаётся только ждать. Самый тёмный час перед рассветом, когда морок будет наиболее глубок — вот лучшее время для удара.

— Согласен.

— К слову, — Мёки переменяла тему. — Тот твой маленький сикигами, бабочка, которую я ранила... Как она?

— Твоё снадобье сотворило чудо. Мицумуши полностью поправилась.

— Я знала, что ты проверяешь меня, и решила подыграть. Однако мне до сих пор неловко, что из-за наших игр пострадало невинное создание.

— Не стоит корить себя. Мицумуши не держит на тебя зла. Более того, ты ей даже нравишься.

— Ну ещё бы, мы ведь землячки, — принцесса тепло улыбнулась. — Скажи, Сэймэй, ведь твоё искусство берёт начало в школе Камо?

— Да. Моим наставником был великий Камо-но Тадаюки.

— Ваше учение Инь-Ян — лишь одна из ветвей древнего даосского знания, принесённого из Великой Тан. Но нужно признать, на этой почве оно дало весьма примечательные плоды.

— Мои скромные познания не идут ни в какое сравнение с истинным ведическим знанием, которым владеете вы, принцесса.

Мёки задумчиво посмотрела в окно:

— Знаешь... Название вашей столицы, Хэйан-кё, таит в себе глубокий смысл.

Сэймэй напрягся, его взгляд сделался сосредоточенным:

— Что ты имеешь в виду?

— Ваш император весьма амбициозен. «Столица мира и покоя»... Чего он жаждет на самом деле? Сравняться величию с Чанъанем или... стереть Чанъань с лица земли?

— Это лишь тщетные грёзы былых правителей, принцесса. Прошу вас, не принимайте их всерьёз, — тихо ответил оммёдзи.

— Пожалуй, ты прав. Узнай об этих мыслях кто-нибудь из придворных глупцов, Хэйан-кё снова утонул бы в интригах.

— Благодарю за великодушие. Разногласия из-за имён не стоят того, чтобы проливать кровь невинных людей.

— Твоя усадьба на Цутимикадо... Она ведь выстроена аккуратно на северо-востоке, в месте, где открываются Врата Демонов. Ты держишь оборону всего города, верно?

— Да. Это мой долг как хранителя Хэйан-кё.

— Странно получается, — Мёки усмехнулась, подперев подбородок рукой. — Я, защитница Великой Тан, вижу, как крошечное островное государство вынашивает дерзкие планы против моей родины, но не предпринимаю ничего, чтобы уничтожить угрозу в зародыше. Знаешь, почему?

Сэймэй молча ждал ответа.

— Из-за тебя.

— Из-за меня? — удивился он.

— Да. Магическая сеть, которую ваш прежний правитель раскинул ради своих амбиций, полна изъянов. Она принесла Хэйан-кё быстрое процветание, но отравила земли избытком энергии инь. Город задыхается от злобы и невысказанных обид, здесь то и дело беснуются сотни ночных демонов. И среди всего этого хаоса я увидела тебя — человека, который добровольно поселился на самом острове демонических врат, чтобы гасить волны скверны своей чистой душой. Твоё милосердие покорило меня. Так к чему мне сеять раздор? В конце концов, у всего под луной свой удел и свой срок.

Сэймэй ласково посмотрел на неё, чувствуя искреннюю благодарность.

Они провели остаток ночи в неспешной беседе, обсуждая тонкости магии Инь-Ян и великого Дао, пока ночная тьма за окном не начала едва заметно полыхать серым предрассветным светом.

— Пора, господин Сэймэй, — Мёки поднялась, её взгляд стал холодным и решительным. — Наш час настал.

— Куда мы идём?

— В Храм Бога Кошек. Пора вернуть тебе твою силу и спасти Хиромасу.

— Идём, — Сэймэй решительно встал рядом с ней.

Ночные тени сгустились в последний раз, готовясь уступить место грядущему дню.

<http://bllate.org/book/20464/2149358>